

Поволжье. 1930-е. Продзаготовки

Колхозное собрание в поле.
Лето 1929 года

Тридцатые годы XX века стали суровым испытанием для крестьянства Средне-Волжского края, в состав которого с 1929 года входила Ульяновская область. На рубеже 1920–1930 годов основным содержанием политики государства была коллективизация, которая должна была решить главный вопрос – проблему продовольствия. От продзаготовок зависело снабжение промышленности сырьем, поставка продовольствия рабочим, реализация экспортно-импортного плана.

Планы и реальность

Ориентировочный план заготовок зерновых культур из урожая 1930 года, принятый Политбюро ЦК ВКП(б), по Среднему Поволжью определялся в 107 миллионов пудов. Размеры хлебозаготовок устанавливались на основании площади посевов и планируемой урожайности. При этом план рассчитывался умозрительно и предполагал идеальное сочетание погодных и организационных условий в регионе. Реальные объемы убранного урожая оказывались куда меньше ожидаемых. За два месяца до окончания сроков годовой план был выполнен на 35,7%. Очнувшись в сложной

ситуации, власти в ноябре пошли на уменьшение государственного задания, но и это не решило задачу.

Метеорологические источники показывают нам, что погода в Средне-Волжском крае в 1931–1933 годах была не совсем благоприятной для сельскохозяйственных работ, однако она не могла вызвать массовый недород в регионе. Снижение урожайности не связано напрямую с климатическими условиями, а обусловлено иными причинами.

Ежегодно шло увеличение посевной площади почти на 20%, существенный рост был достигнут за счет освоения новых земель. Но более чем на четверть были сокращены пары,

что обернулось истощением земли и падением урожайности. Подобные действия властей приводили к тому, что рациональный севооборот во многих районах края (особенно в левобережных) был утрачен.

Заметный регресс наблюдался в животноводстве. Насильственно вовлекаемые в колхозы крестьяне часто принимали решение продать или уничтожить свой скот. Это привело к резкому сокращению поголовья рабочего скота. Правительство попыталось частично это восполнить быстрым ростом строительства машинно-тракторных станций. Тракторный парк с 1928-го по 1933 год был увеличен в 10 раз. Но даже с учётом этого

материально-техническая база колхозных хозяйств оставалась слабой. Трактора часто ломались и подолгу находились в ремонте. Они не могли компенсировать огромные потери в рабочих лошадях.

Разрушался традиционный уклад крестьянской семьи. Здоровые и молодые люди уезжали в город. Массовая миграция, пик которой пришёлся на первую половину 1932 года, существенно уменьшила численность лучшей части рабочей силы деревни. Деревня испытывала настоящий дефицит рабочих рук.

Принудительная коллективизация и хлебозаготовки привели к нарушению агротехнических правил земледелия в период важных сельскохозяйственных кампаний – посевной и прополочной работ. По объективным причинам они не могли проводиться качественно и в срок. К этому нужно прибавить и убеждение в бесполезности добросовестного труда, который не спасал ни от раскулачивания, ни от голода – такие настроения в крестьянстве крепли с каждым годом.

Нельзя до конца понять трагедию начала 1930-х годов вне контекста новых экономических отношений между государством и крестьянством, ставших следствием насилиственной коллективизации. На апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1929 году

Сталин следующим образом охарактеризовал значение хлебозаготовок: «Хлеб не есть простой товар, хлеб в наших нынешних условиях – есть такой товар, который вершит всё и без которого нельзя существовать». И эти слова вождя были взяты на вооружение местными властями. Каждым летом и осенью кампания по заготовкам превращалась в настоящее испытание отношений между государством и крестьянством, которое всеми средствами и способами старалось сопротивляться политике, проводимой верхами.

Крутые меры

Чем более плодородным был регион, тем большего объёма сельхозпродукции от него ждали. Средне-Волжский край был важной зерновой базой страны, поэтому методы, используемые в заготовительных кампаниях, были крутыми.

Выполнение правительственные директив сопровождалось широким применением принудительных мер. Местные партийные и карательные органы оказывались самыми послушными исполнителями Кремля и самыми беспощадными по отношению к собственному народу. В ход шли как опробованные (конфискация имущества, ссылка за пределы края или в Сибирь), так и новые методы (бойкот,

занесение на «чёрные доски», запрещение торговли, прекращение завоза товаров, досрочное взыскание кредитов). Эти действия применялись ко всем, не выполнившим государственного задания.

Реальная угроза остаться без хлеба и усиливающийся с каждым годом наём заготовителей привели к нарастанию среди крестьян Средней Волги различных форм сопротивления: от пассивных до открытых массовых выступлений. Власти трактовали их как «классовую борьбу кулачества» против советской власти.

Лишённые хлеба крестьяне искали способы выжить. Воровство приобрело массовый и масштабный характер. Ответом на него стал закон, принятый 7 августа 1932 года: за хищение государственного имущества предусматривался расстрел, при смягчающих обстоятельствах он мог быть заменён лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества. Амнистия по таким делам запрещалась.

Уже к 10 августа в краевую прокуратуру поступили сведения, рисующие масштабы борьбы местной власти «с расхитителями социалистической собственности». К лишению свободы приговорили 276 человек, к принудительным работам – 261, к штрафу – 8, к прочим мерам – 227. Это за три дня действия закона!

Крестьяне колхоза «Первая пятилетка». Село Игнатовка Майнского района. 1929–1936

Бесправие деревни подкреплялось и ограничениями личной свободы. Подавляющее большинство крестьян не имело возможности свободного выбора работы и места жительства. Единая паспортная система, введённая в СССР в декабре 1932 года, позволила государству осуществить принудительное прикрепление людей к колхозам. Недаром аббревиатура ВКП(б) вошла в лексикон как Второе Крепостное Право большевиков.

В первые месяцы 1933 года нарастал разгул жесточайших репрессий против крестьян, не выполнивших свои обязательства перед государством. Даже те, кто уже отчитался, получали сверху новые дополнительные задания. Практически все президиумы сельсоветов края штамповали без особых вариаций следующие постановления: «За дезорганизацию сева, саботаж и связь с вражескими элементами отдать под суд как вредителей советской власти и партии...». В некоторых документах, наряду с требованиями к местному руководству и активистам во что бы то ни стало обеспечить выполнение плана весенних сельскохозяйственных работ, содержалось необычное даже для того времени решение «выселить в кратчайший срок за пределы края».

Порождённые насилиственной колективизацией широкомасштабные обязательные государственные заготовки в условиях общего спада сельскохозяйственного производства к концу

1932 года окончательно истощили продовольственные ресурсы деревни.

Голод

Недостаток провизии у сельского населения Средне-Волжского края в первой половине 1930-х годов проявлялся постепенно, увеличиваясь с каждым новым годом хлебозаготовок. Само начало грандиозной кампании сплошной коллективизации пришлось на то время, когда некоторые крестьянские семьи в Среднем Поволжье уже находились на пороге голода в результате разорительных действий властей.

Правительство не спешило помогать нуждающимся, считая, что регионы вполне могут справиться своими силами, поскольку большинство крестьян сохраняли свои индивидуальные хозяйства. Земельные наделы и личный скот позволяли обеспечить семью и даже кое-что продавать на рынке. Голод пока имел локальный характер. Он начался зимой, особенно усиливался весной и продолжался до нового урожая.

Абсолютный голод начался зимой 1932–1933 года. Сохранённые крестьянами скучные запасы продовольствия быстро расходовались. В конце зимы смертность в Среднем Поволжье резко увеличилась. В самый трагичный 1933 год особенно пострадали юго-западные и левобережные районы края, там люди массово умирали от нехватки продовольствия.

Косвенную информацию о пострадавших районах можно почерпнуть из решений Совета народных комиссаров СССР и крайкома Средней Волги о выдаче продовольственной и семенной, централизованной и межрайонной помощи колхозам и совхозам. В документах перечислены самые нуждающиеся: Абдулинский, Андреевский, Больше-Глушицкий, Буртинский, Байтугановский, Каширинский, Кваркенский, Кинельский, Кошкинский, Майнский, Мелекесский, Ново-спасский, Оренбургский, Орский, Петровский, Приволжский, Покровский, Чапаевский, Сенгилеевский, Сергиевский, Сорочинский, Ставропольский, Сызранский, Шарлыкский районы.

Архивные документы, находившиеся до 1994 года на секретном режиме хранения, содержат многочисленные свидетельства о голоде и его жертвах. Люди, обезумевшие от голода, поедали друг друга. В документах замелькали фразы об убийствах людей «с целью употребления в пищу». Сотрудниками ОГПУ регистрировались случаи каннибализма.

Спутниками голода являлись эпидемии брюшного и сыпного тифа, малярия. Инфекционные заболевания, косившие человеческие жизни, пополняли чёрный список жертв.

Зимой 1933–1934 года голод также хозяйничал в Среднем Поволжье. В счёт государственных заготовок продолжали изымать последние крохи хлеба, оставшегося у рядовых колхозников и единоличников. В документах местных органов ВКП(б) множились сообщения о голоде, болезнях и смертях.

Весной и в начале лета 1934 года нехватка продовольствия в колхозах и совхозах выявлялась по краю повсеместно. Но этот год стал завершающим в истории голода в Средне-Волжском крае. Продовольственные трудности были и в последующие времена, но уже не вызывали массовой гибели людей.

Партийно-государственное руководство страны и края шло проторённой дорогой административных ограничений. Исправить положение путём дополнительного финансирования сельского хозяйства, повышения закупочных цен, снижения объёмов обязательных заготовок власти не хотели. Или не могли?

Наталья Каунова,

заведующая отделом научно-исследовательской работы музея Ленинского мемориала

Нашли хлеб у кулаков. Весна 1931 года